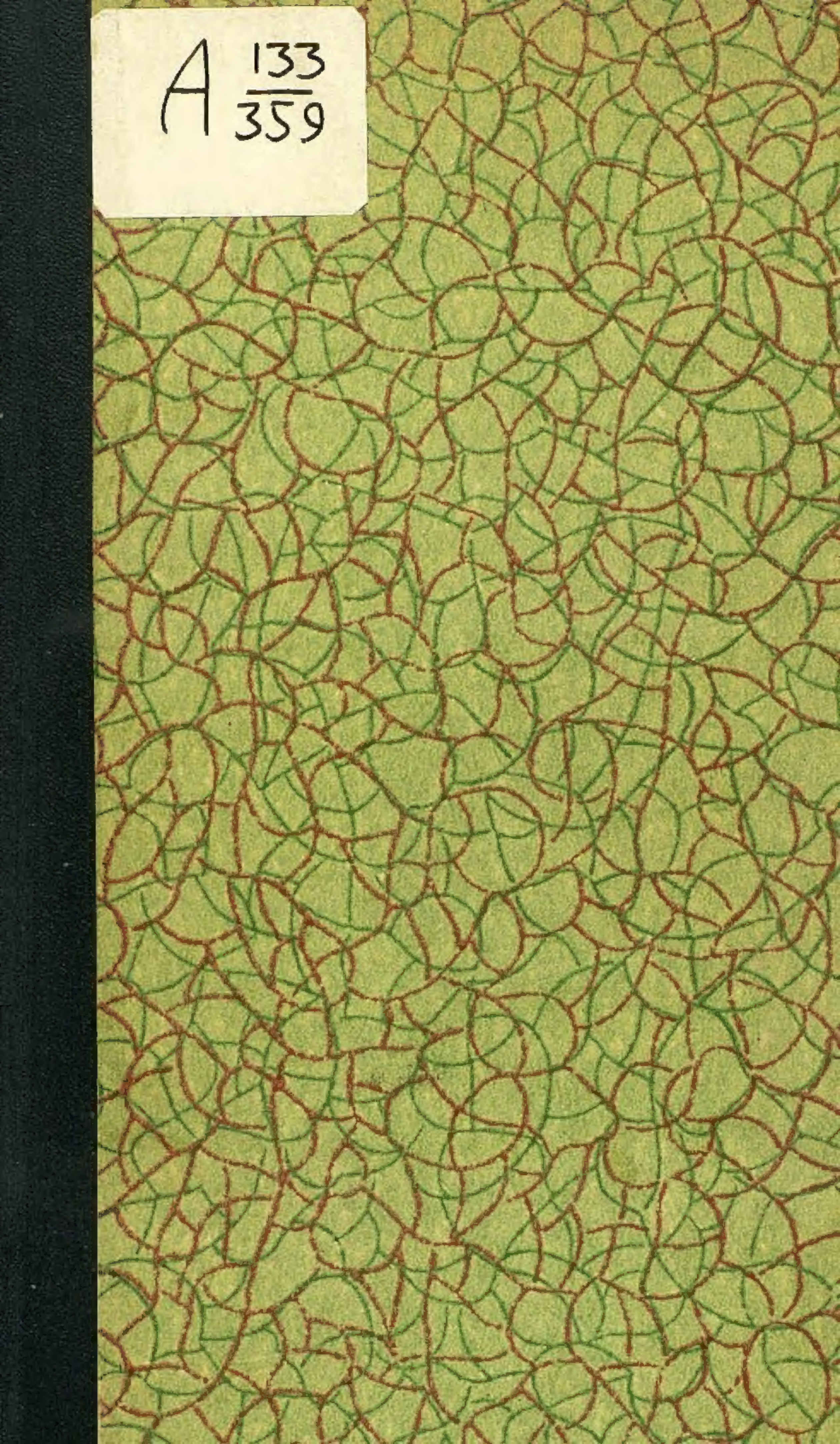

A 133/359

Современное состоянiе призоваго судоустройства по отношенiю къ нейтральнымъ и необходимыя въ немъ реформы.

Нейтральные корабли, захваченные военными или каперскими судами воюющихъ по серьозному подозрѣнiю въ нарушенiи обязанностей нейтралитета, могутъ быть подвергнуты конфискацiи неиначе, какъ послѣ правильнаго процесса въ особаго рода судебныхъ учрежденiяхъ, до нѣкоторой степени международнаго характера, извѣстныхъ подъ именемъ призовыхъ судовъ. Призовые трибуналы должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдовать вопросъ о томъ, не нарушилъ ли нейтральный свои обязанности прямаго *невмѣшательства* и *безпристрастiя* по отношенiю къ обоимъ воюющимъ государствамъ подвозомъ такъ называемой военной контрабанды, нарушенiемъ фактической блокады, правильно установленной и объявленной нейтральнымъ, сопротивленiемъ осмотру и обыску, наконецъ злоупотребленiемъ чужимъ флагомъ (simulation de pavillon) или подлогомъ корабельныхъ документовъ. Всѣ эти вопросы, возбуждаемые каперами или военными кораблями воюющихъ, захватившими нейтральный призъ, подлежатъ разсмотрѣнiю такъ называемыхъ призовыхъ трибуналовъ, обладающихъ особымъ устройствомъ и судопроизводствомъ. При изслѣдованiи призоваго судоустройства: 1) возникаютъ вопросы *о компетентности*, то есть, о томъ, является-ли компетентнымъ при разрѣшенiи вышеуказанныхъ вопросовъ при... судъ воюющихъ, или нейтральныхъ, и о составѣ и у...

я
ото
свобода
еприкосно-
и морской),

тѣхъ трибуналовъ; во 2-хъ) послѣ надлежащаго анализа установленныхъ нами вопросовъ, мы встрѣчаемся естественно съ задачею—указать на недостатки современнаго призоваго судоустройства и на тѣ реформы въ немъ, которыя требуются современнымъ состояніемъ международныхъ сношеній и науки международнаго права.

Обратимся же къ послѣдовательному изслѣдованію тезисовъ, установленныхъ нами по отношенію къ матеріалу, входящему въ составъ ученія о призовомъ судоустройствѣ.

I) Какой судъ является трибуналомъ компетентнымъ по отношенію къ нейтральнымъ, то есть, есть-ли это трибуналъ воюющаго, установленный на его территоріи, или же призовый судъ нейтральнаго? Прежде всего замѣтимъ, что вопросъ о компетентности призовыхъ судовъ воюющихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, когда дѣло идетъ о вражескомъ кораблѣ. Право войны, еще очень строгое на морѣ, подвергаетъ конфискаціи собственность врага и самый корабль его. Положеніе это *безспорно* въ современномъ международномъ правѣ и вопросъ объ отмѣнѣ права конфискаціи частной непріятельской собственности на морѣ, находящій все большую поддержку въ наукѣ и понемногу проникающій въ юридическое сознаніе цивилизованныхъ членовъ международнаго союза, представляется по настоящее время разрѣшеннымъ въ пользу неприкосновенности этой собственности только въ наукѣ и то только до нѣкоторой степени; но, по принципу, разъ признано право конфискаціи непріятельскихъ купеческихъ кораблей, естественно, что воюющему и его судамъ должно быть всецѣло предоставлено право суда надъ захваченною собственностью врага, принадлежащею ему по праву, въ силу удержавшихся еще въ современномъ международномъ правѣ законовъ и обычаевъ войны. Все дѣло сводится при этомъ къ пустой формальности, именно къ удостовѣренію въ томъ, что орабль и товары дѣйствительно вражескіе. Съ признаніемъ ескаго характера корабля и его груза — они ipso facto тъ конфискаціи по законамъ и обычаямъ морской фискуются въ пользу государства, захватившаго

добычу, такъ какъ въ современномъ международномъ правѣ война разсматривается, какъ вооруженная борьба государствъ, а не частныхъ лицъ. Дѣло самихъ воюющихъ опредѣлить внутренними законами и регламентами количество вознагражденія, слѣдующаго экипажу капера или военнаго корабля, захватившаго извѣстный непріятельскій призъ. Только нейтральные товары, нагруженные на захваченномъ непріятельскомъ кораблѣ, подлежатъ возврату нейтральнымъ, если они не составляютъ военной контрабанды, но и то только между государствами, подписавшими Парижскую морскую декларацію 16 апрѣля 1856 года, которая признаетъ начало неприкосновенности нейтральной собственности подъ непріятельскимъ флагомъ (если она не составляетъ военной контрабанды).—

Всѣ публицисты единогласно сходятся здѣсь въ мнѣніяхъ, равно какъ международные трактаты прежняго и настоящаго времени и регламенты морскихъ державъ. Разногласіе возникаетъ только по вопросу объ исключеніяхъ изъ этого общаго правила. Современная практика и мнѣніе большинства публицистовъ (напр. Кальво) признаютъ два исключенія: 1) когда захватъ непріятельскаго корабля совершенъ въ предѣлахъ морской территоріи нейтральной державы (въ ея территоріальныхъ водахъ) и во 2-хъ) въ томъ случаѣ, если захватъ произведенъ кораблями воюющаго, снаряженными и вооруженными въ портахъ нейтральнаго. Въ этихъ двухъ случаяхъ нейтральное государство, въ гавани и порты котораго приведенъ призъ, взятый воюющимъ при наличности перваго или втораго изъ указанныхъ условій, можетъ и даже должно быть компетентно при разсмотрѣніи возникающаго вопроса о законности приза. Нейтральныя, связанныя по отношенію къ обоимъ воюющимъ обязанностями, налагаемыми на нихъ нейтралитетомъ, именно безпристрастія и невмѣшательства въ военныя дѣйствія, обладаютъ и извѣстными правами, которыя гарантируетъ имъ международное право и соблюденіе которыхъ является обязанностью воюющихъ. Права эти—*свобода торговли*, ограниченная до извѣстной степени, и *неприкосновенность нейтральной территоріи* (сухопутной и морской),

которая не можетъ служить воюющимъ мѣстомъ для производства какихъ бы то нибыло военныхъ операцій, для усиленія средствъ къ оборонѣ и нападенію для одной изъ воюющихъ сторонъ и въ ущербъ другой. Захватъ приза въ предѣлахъ нейтральной территоріи есть глубокое нарушеніе воюющимъ его обязанности — уважать неприкосновенность нейтральной территоріи. Снаряженіе же и вооруженіе въ портахъ и гаваняхъ нейтральной державы кораблей съ цѣлію нападенія на противника, проявившееся къ тому же въ существенномъ вредѣ противнику, то есть въ захватѣ у послѣдняго его собственности и судовъ при помощи тѣхъ незаконно вооруженныхъ и снаряженныхъ на нейтральной территоріи кораблей, является нарушеніемъ обязанностей по отношенію къ нейтральнымъ, есть грубое нарушеніе правъ послѣднихъ. Отсюда—нейтральное государство, оскорбленное такими дѣйствіями, получаетъ право и даже должно, если не желаетъ нарушить дружественныхъ отношеній къ другому воюющему, возстановить свои попранныя права. Оно призываетъ къ дѣйствію свои суды и предписываетъ имъ, во имя нарушеннаго верховнаго суверенитета его, изслѣдовать дѣло о захваченномъ призѣ. Оно обязано возвратить его прежнему собственнику, право собственности котораго было нарушено посредствомъ незаконнаго акта—нарушенія правъ нейтральнаго. Это «restitutio in integrum» происходитъ въ силу судебнаго рѣшенія, произнесеннаго компетентнымъ въ дѣлахъ подобнаго рода судомъ нейтральнаго, если призъ находится въ гаваняхъ послѣдняго. Если же призы, захваченные при этихъ условіяхъ, отведены въ порты захватившаго ихъ воюющаго, то и въ этомъ случаѣ нейтральная держава, право которой нарушено тѣмъ незаконнымъ захватомъ, может и обязана требовать *дипломатическимъ путемъ* возвращенія этихъ призовъ противнику: захватитель не получаетъ на нихъ права собственности, такъ какъ пріобрѣлъ оное съ нарушеніемъ своихъ обязанностей передъ нейтральнымъ. У капера нѣтъ *justus titulus* надъ владѣемою собственностью врага и это justus titulus можетъ быть дано ему только нейтральнымъ, по-

слѣ изслѣдованія спорнаго случая дипломатическимъ путемъ, или въ трибуналѣ нейтральнаго. Изъ всего сказаннаго явствуетъ само собою, что судъ нейтральнаго, прямо не заинтересованнаго въ данномъ призѣ, который захваченъ воюющимъ безъ непосредственнаго нарушенія его правъ, а только съ нарушеніемъ права другаго нейтральнаго, не можетъ быть компетентенъ въ разрѣшеніи вопроса о законности приза: здѣсь нарушено право третьяго лица, права нейтральныхъ не пострадали, по этому ему нѣтъ дѣла до того, нарушилъ ли въ данномъ случаѣ воюющій права другаго нейтральнаго, или нѣтъ.

Итакъ, можно считать твердо установившимся принципъ, согласно которому призовый трибуналъ воюющаго есть единственно компетентный въ дѣлахъ о призахъ, захваченныхъ у противника, за немногими исключеніями, выше нами установленными. Но уже гораздо болѣе сложенъ и споренъ вопросъ о компетентности тѣхъ судовъ воюющаго надъ призами нейтральными. Споръ этотъ до настоящаго времени исключительно теоретическій, такъ какъ международная практика весьма рѣшительно и притомъ издавна установила начало компетентности трибуналовъ воюющаго, за исключеніями, о которыхъ будетъ говорено нами ниже. Что касается до науки, то мнѣнія публицистовъ могутъ быть въ этомъ отношеніи подѣлены на три группы. Ученые первой категоріи высказываются болѣе или менѣе рѣшительно, съ большими или меньшими исключеніями, въ пользу юрисдикціи трибуналовъ воюющаго. Сюда должно причислить большинство ученыхъ XVII и XVIII вѣка, изъ современныхъ же публицистовъ — англо-американцы и до нѣкоторой степени французъ Готфель. Вторая категорія писателей, во главѣ которой стоитъ датскій публицистръ Гюбнеръ (первой половины XVIII вѣка), основатель ученія этой группы писателей, предлагаетъ учрежденіе особаго рода *смѣшанныхъ призовыхъ трибуналовъ* (изъ членовъ воюющихъ и нейтральныхъ), строго международнаго характера; другіе ученые той же группы, отвергая въ принципѣ исключительную компетентность призовыхъ судовъ воюющихъ, предлагаютъ за-

мѣнить эту юрисдикцію воюющаго *дипломатическими сношеніями* между воюющими и заинтересованными въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нейтральными. Кромѣ Гюбнера, къ ученымъ этой категоріи можно причислить еще аббата *Галіани* (конца XVIII столѣтія), до нѣкоторой степени публицистовъ начала настоящаго столѣтія *Георгія Мартенса* и *Клюбера*, изъ современныхъ же—нѣмецкаго ученаго спеціалиста *Гесснера*. Наконецъ, третью группу писателей, крайне малочисленную, представляютъ двое ученыхъ Моно-Польсъ и *Борнеманъ*. Ученіе послѣднихъ является противоположною крайностью относительно публицистовъ первой категоріи, и именно тѣхъ изъ этихъ послѣднихъ, которые выражаютъ собою ученіе объ исключительной компетентности призовыхъ судовъ воюющихъ въ самомъ чистомъ, совершенномъ и крайнемъ его видѣ. Указанные два ученые предлагаютъ подвергнуть дѣла о нейтральныхъ призахъ сужденію трибуналовъ нейтральныхъ. Обращаясь къ анализу ученій, выставленныхъ писателями первой группы, мы видимъ, что ихъ можно свести приблизительно къ слѣдующей аргументаціи: компетентность призовыхъ судовъ воюющихъ по отношенію къ призамъ, захваченнымъ у врага противника не подлежитъ, въ силу естественнаго незыблемаго права и обычая морской войны, ни малѣйшему сомнѣнію. Нейтральный, нарушившій обязанности безпристрастія и невмѣшательства, налагаемыя на него состояніемъ нейтралитета, отказывается тѣмъ самымъ отъ своей принадлежности къ націи, пользующейся правами нейтралитета только подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ обязанностей (ubi jus ibi obligatio) по отношенію къ воюющимъ и добровольно сопричисляетъ себя, становится въ ряды враговъ. Онъ лишается поддержки своего нейтральнаго правительства и разсматривается, какъ врагъ; отсюда тотъ логическій выводъ, что нейтральные, нарушившіе обязанности нейтралитета, должны быть судимы призовыми трибуналами того воюющаго, въ котораго руки они попали по обвиненію въ благопріятствованіи его противнику посредствомъ какъ бы молчаливаго (фактическаго) объявленія войны послѣднему. Французскій публицистъ Гот-

фель очень хорошо резюмируетъ изложенныя нами въ сжатомъ видѣ мысли публицистовъ этого лагеря. По его мнѣнію компетентность призовыхъ трибуналовъ воюющихъ надъ нейтральными кораблями, захваченными и приведенными въ порты воюющаго, основывается *главнымъ образомъ на отсутствіи солидарности нейтральнаго государства* (и его верховной власти) *съ его подданными, виновными въ нарушеніи своихъ обязанностей*, также на *враждебномъ характерѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ* и, *наконецъ, на молчаливомъ отказѣ отъ защиты виновнаго, сдѣланномъ націею, къ которой принадлежитъ* виновный, поведеніе котораго нейтральное государство не желаетъ защищать и оправдывать.

Публицисты, выставлявшіе весьма разнообразные и вѣскіе доводы противъ сейчасъ изложенной аргументаціи, упускаютъ изъ виду одно, по нашему мнѣнію, самое существенное соображеніе, опровергающее рѣзкую односторонность ученія публицистовъ разсматриваемаго лагеря. Дѣло въ томъ, что во всей приведенной аргументаціи есть существенная ошибка въ самой постановкѣ вопроса: компетентность судовъ воюющаго является въ ней результатомъ, выводомъ, изъ предположенія о томъ, что извѣстный нейтральный корабль, захваченный каперами воюющаго и привлеченный въ порты и гавани послѣдняго, *дѣйствительно виновенъ въ нарушеніи обязанностей нейтралитета* и отождествляется такимъ образомъ со врагомъ, корабли котораго подлежатъ юрисдикціи трибуналовъ противника, въ руки котораго они попали. Но дѣло въ томъ, что *предположеніе о виновности*, если оно даже обставлено существенными и вѣскими уликами противъ нейтральнаго, не есть еще *доказательство*, не представляется еще *юридическою виновностью.* Напротивъ того, понятіе о справедливости, которое должно быть присуще всякимъ судамъ, дѣйствующимъ даже при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, всегда предполагаетъ невинность преданнаго суду, доколѣ не доказано противнаго. Такимъ образомъ presumptio juris всегда на сторонѣ нейтральнаго, откуда и привлеченіе его къ суду призоваго трибунала воюющаго по presumptio juris о томъ, что

онъ дѣйствительно виновенъ въ нарушеніи обязанностей нейтралитета, представляется *по идеѣ* несправедливымъ, есть даже contradictio in adjecto.

Обращаясь къ публицистамъ втораго лагеря, мы остановимся прежде всего на Гюбнерѣ. По мнѣнію этого замѣчательнаго писателя компетентность призовыхъ трибуналовъ воюющаго въ сужденіи о нейтральныхъ призахъ не основано на правѣ: во 1-хъ потому, что предполагаемое нарушеніе нейтралитета и захватъ нейтральнаго корабля происходятъ въ открытомъ морѣ, то есть внѣ территоріальной юрисдикціи государства, признающаго себя компетентнымъ судьею; открытое же море, по давно установившемуся принципу, есть общая собственность всѣхъ членовъ международнаго союза и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ на немъ исключительной юрисдикціи; во 2-хъ ни одна держава необладаетъ властью и правомъ суда надъ подданными другой, за исключеніемъ того случая, когда иностранецъ добровольно укрылся на территоріи чужаго государства; но нейтральные призы привлекаются насильно въ порты и гавани захватившаго ихъ воюющаго, почему и невозможно разсматривать ихъ добровольно признавшими иностранную идисдикцію; наконецъ, въ 3-хъ, подобная юрисдикція противна всѣмъ принципамъ справедливости и разумнаго судоустройства и судопроизводства: воюющій, лично заинтересованный въ дѣлѣ, является въ одно и тоже время стороною и судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Къ этому сводится аргументація всѣхъ позднѣйшихъ публицистовъ этого лагеря, заисключеніемъ Мартенса и Клюбера останавливающихся по преимуществу на первомъ изъ предположеній, выставленныхъ Гюбнеромъ. Но, спрашивается, какъ же помочь этому злу? У Гюбнера готовъ проэктъ, общія начала котораго приняты позднѣе аббатомъ Галіани и въ недавнее время нѣмецкимъ ученымъ Гесснеромъ.

По идеѣ Гюбнера дѣла о нейтральныхъ призахъ должны вѣдаться путемъ дипломатическихъ сношеній между воюющими и нейтральными. Но какъ это было бы затруднительно на практикѣ и влекло бы за собою медленность и потерю вре-

мени, вредныя для интересовъ обѣихъ сторонъ, то невольно возникаетъ вопросъ объ устройствѣ *специальныхъ смѣшанныхъ судовъ* или *коммиссій*, составленныхъ изъ лицъ, уполномоченныхъ отъ обѣихъ сторонъ, задачею которыхъ будетъ разрѣшеніе участи приза. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и руководствоваться не законами и обычаями государства, на территорію котораго приведенъ призъ, но началами международнаго права и такъ названнымъ Гюбнеромъ *кодексомъ разума*.

Нѣкоторые изъ современныхъ публицистовъ, признавая справедливость изложенныхъ мыслей, соглашаясь въ принципѣ съ учрежденіемъ призовыхъ трибуналовъ смѣшаннаго характера, думаютъ однако, что трибуналы этого послѣдняго рода не могутъ найти практическаго осуществленія. Къ таковымъ ученымъ должно отнести Готфеля, усматривающаго значительныя затрудненія въ созданіи въ каждомъ изъ портовъ обоихъ воюющихъ особаго трибунала для каждой нейтральной націи. Онъ полагаетъ также, что большинство судей должны принадлежать той или другой заинтересованной сторонѣ и, говоритъ онъ, „совершенно естественно, что этой привиллегіи потребуетъ правительство территоріи, на которой учрежденъ подобнаго рода призовой судъ, то есть воюющій и, обладая этимъ большинствомъ голосовъ, послѣдній всегда съумѣетъ склонить вѣсы правосудія въ свою собственную пользу". Но, дѣло въ томъ, что практическія затрудненія не составляютъ чего то непреодолимаго; онѣ зависятъ не столько отъ существа самого проэкта, сколько отъ того практическаго осуществленія его, которое дано Готфелемъ. Всегда можно найти компромиссъ, который разрѣшилъ бы затрудненіе, указанное въ предположеніи Готфеля. Учрежденіе третейскихъ судовъ издавна разсматривалось учеными и государственными людьми, какъ дѣло трудное не столько по идеѣ, сколько на практикѣ, и однако многочисленные примѣры учрежденія и успѣшнаго разрѣшенія возникшихъ между государствами споровъ при посредствѣ третейскихъ судовъ (напр. Женевскій третейскій судъ, произнесшій извѣстное

рѣшеніе въ 1872 г. по такъ называемому алабамскому вопросу) доказали практическую пригодность и осуществимость подобнаго рода международныхъ судовъ, не смотря на интересы первой важности, затронутые иногда въ томъ или другомъ дѣлѣ, подвергшемся разсмотрѣнію и рѣшенію международныхъ третейскихъ судовъ. Гесснеръ, оппонируя Готфелю, соглашается съ послѣднимъ относительно практическихъ трудностей, возникающихъ при практическомъ примѣненіи идеи смѣшанныхъ призовыхъ судовъ. Онъ допускаетъ, далѣе, что этого роды суды, какъ и всякія учрежденія, состоящія изъ людей, не представляютъ абсолютныхъ гарантій безпристрастія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Гесснеръ справедливо указываетъ на то, что новое учрежденіе, соотвѣтствуя современному прогрессу морскаго международнаго права, должно найти свое осуществленіе не иначе, какъ по соглашенію всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ державъ. Соглашеніе это всегда можетъ быть достигнуто, если принять въ соображеніе, что не менѣе трудное соглашеніе державъ, отмѣнившихъ каперство и признавшихъ начало „le pavillon couvre la marchandise", достигнуто на парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Почтенный нѣмецкій публицистъ указываетъ, наконецъ, на невѣрность самого построенія системы смѣшанныхъ призовыхъ судовъ, на которые указываетъ Готфель, какъ на доказательство практической неосуществимости идеи смѣшаннаго призоваго трибунала. Онъ предлагаетъ, именно, весьма простое средство: установить по одному трибуналу этого рода на территоріи каждой изъ воюющихъ державъ. Въ этихъ судахъ должны засѣдать судьи, назначенные воюющими и нейтральными, съ устраненіемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ принятія участія въ разсмотрѣніи дѣла и постановленіи рѣшенія членовъ суда, назначенныхъ правительствомъ нейтральной державы, призы подданныхъ которой подвергнуты въ данномъ случаѣ суду трибунала.

Совершенно соглашаясь съ конечными выводами Гюбнера и Гесснера, мы не можемъ не обратить вниманія на невѣрность и ложность самой аргументаціи датскаго публициста и

его послѣдователей. Выставленныя имъ положенія не выдерживаютъ научной критики. Относительно перваго положенія Гюбнера должно замѣтить, что открытое море разсматривается какъ *общая собственность* всѣхъ членовъ международнаго союза. Изъ понятія объ общей собственности и общемъ владѣніи слѣдуетъ, что эта собственность и это владѣніе не суть *исключительно* присущія тому или другому государству, но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ проявлять на ней функцій, присущихъ государствамъ въ силу ихъ внѣшняго совершитета, какъ членамъ, дѣйствующимъ въ международномъ союзѣ. Такъ, понятію о condominium всѣхъ государствъ надъ моремъ вовсе не противилось, напримѣръ, право, предоставленное тѣмъ государствамъ, вести на этой общей территоріи войну съ противникомъ, хватать его частную собственность. А если такъ, то почему же державы тѣ лишены права подвергать аресту и суду своихъ трибуналовъ нейтральные корабли, заподозрѣнные въ нарушеніи обязанностей нейтралитета и въ добровольномъ сопричисленіи себя къ врагамъ? Тому же понятію нисколько не противится также право, предоставленное всѣмъ членамъ международнаго союза, захватывать и подвергать суду своихъ трибуналовъ, а также подвергать наказаніямъ, даже смертною казнью, морскихъ разбойниковъ и негроторговцевъ. Еще менѣе основателенъ второй аргументъ датскаго ученаго: изъ того, что одно государство не имѣетъ юрисдикціи и власти надъ подданными другого, за исключеніемъ случая добровольнаго присутствія на территоріи перваго, еще вовсе не истекаетъ не компетентность призовыхъ судовъ воюющаго. Международное право въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ послѣдовательнаго развитія выработало принципъ, предоставляющій воюющимъ подвергать захвату и конфискаціи нейтральные корабли, обвиненные въ нарушеніи обязанностей нейтралитета. Таковъ логическій выводъ изъ необходимости военнаго времени, изъ началъ военнаго международнаго права, предоставляющаго воюющимъ это право какъ исключеніе изъ права нейтральнаго на продолженіе мирныхъ сношеній и торговли съ обоими воюющими.

Но это право воюющихъ вовсе не предполагаетъ права юрисдикціи надъ нейтральными подданными, членами независимой, свободной и самостоятельной державы, равноправной по суверенитету внутреннему и внѣшнему съ другими государствами, тоже членами обширнаго международнаго союза.

Намъ очень немного придется говорить о третьей группѣ писателей, представляемыхъ Моно-Польсомъ и Борнеманомъ. Выставленный ими принципъ —исключительной компетентности призовыхъ судовъ нейтральныхъ въ сужденіяхъ о призахъ послѣднихъ—долженъ быть названъ по меньшей мѣрѣ страннымъ, представляется намъ крайне одностороннимъ и несправедливымъ уклоненіемъ въ крайность. противуположную публицистамъ перваго лагеря. Съ точки зрѣнія теоретической послѣдніе имѣютъ нѣкоторое основаніе и даже преимущество передъ доводами Борнемана и Моно-Польса уже потому, что исходятъ изъ точки зрѣнія *абсолютнаго строгаго* права войны и военной необходимости, которымъ обладаютъ воюющіе. Подобный взглядъ на современную войну, конечно, отсталый, односторонен, негуманенъ; но какія логическія данныя можно привести въ пользу исключительной компетентности призовыхъ судовъ нейтральныхъ, прямо заинтересованныхъ въ исходѣ процеса, и въ которомъ вершить дѣло должны одни нейтральные, безъ участія воюющихъ, то есть той стороны, интересы которой непосредственно затронуты въ вопросѣ о предполагаемомъ нарушеніи нейтральнымъ своихъ обязанностей безпристрастія и невмѣшательства въ военныя дѣйствія? Любопытно; но приведенные два публициста ограничиваются однимъ утвержденіемъ этого оригинальнаго проэкта, не приводя въ его пользу никакихъ историческихъ или логическихъ доводовъ. Намъ кажется, что ошибочное мнѣніе это создалось подъ вліяніемъ крайняго увлеченія въ естественномъ и законномъ желаніи оградить интересы нейтральной торговли, постоянно и жестоко страждущіе отъ ненормальнаго и притомъ узко-національнаго, а не международнаго характера призовыхъ трибуналовъ.—

И такъ, при разногласіи въ теоріи, не подлежитъ, впро-

чемъ, сомнѣнію, что современное морское международное право признаетъ компетентность призовыхъ судовъ воюющихъ, составленныхъ изъ членовъ, назначенныхъ послѣдними при томъ безъ участія делегатовъ отъ нейтральныхъ, въ дѣлахъ о нейтральныхъ призахъ. Нѣтъ ли исключеній, допускаемыхъ современною международною практикою? Здѣсь, повидимому, имѣется одно исключеніе, впрочемъ не установившееся окончательно ни въ наукѣ, ни въ практикѣ и, думаемъ мы, потому именно, что вопросъ о смѣшанномъ составѣ призовыхъ трибуналовъ не перешелъ еще изъ области научной въ сферу практическаго осуществленія. Какой судъ компетентенъ надъ нейтральнымъ призомъ, захваченнымъ воюющимъ, но приведеннымъ не въ портъ послѣдняго, а въ одинъ изъ портовъ или въ одну изъ гаваней нейтральнаго? Прежде всего, здѣсь надлежитъ отдѣлять два случая: 1) когда нейтральный призъ приведенъ въ гавань нейтральной державы, но не той, подданнымъ которой принадлежитъ корабль; во 2-хъ) случай нейтральнаго корабля, приведеннаго воюющимъ въ гавань или портъ того самого нейтральнаго государства, флагъ котораго носитъ тотъ призъ. Первый случай не можетъ подлежать сомнѣнію. Если трактаты, заключенные воюющимъ, приведшимъ призъ, съ нейтральнымъ, въ порты котораго попалъ нейтральный корабль, предоставляютъ сужденіе о законности приза на разсмотрѣніе трибуналовъ нейтральнаго, то вопросъ, понятно, разрѣшается просто и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія. Впрочемъ трактатовъ въ этомъ смыслѣ весьма немного: Кальво приводитъ таковыхъ всего 2. Первый отъ 1787 года, заключенный Россіею съ Франціею, второй отъ того же года—между Россіею и Королевствомъ обѣихъ Сицилій (Неаполь). Наличность то этихъ двухъ договоровъ и побудила итальянца Ацуни (конца XVIII вѣка) построить на нихъ общій принципъ въ смыслѣ, указанномъ тѣми договорами. Но мнѣніе его не основательно: третьей нейтральной державѣ не можетъ быть никакого дѣла и интереса въ сужденіи о законности приза, захваченнаго воюющимъ у другой нейтральной державы и случайно попавшаго въ порты того нейтраль-

наго государства. Здѣсь возможно въ теоріи и на практикѣ допустить только одно исключеніе, именно въ томъ случаѣ, когда интересъ и право этой третьей державы нарушены воюющимъ, напримѣръ, захватомъ приза въ территоріальныхъ водахъ этого третьяго нейтральнаго, то есть при посредствѣ нарушенія принципа неприкосновенности нейтральной территоріи, или же, наконецъ, снаряженіемъ и вооруженіемъ корабля воюющаго, захватившаго тотъ призъ, въ портахъ или гаваняхъ той же нейтральной стороны. Обращаясь къ практикѣ современныхъ морскихъ державъ, мы, вслѣдъ за Кальво, можемъ сослаться на примѣры Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки, отчасти и Испаніи, которыя, вопреки мнѣнію Ацуни, всегда признавали въ подобныхъ случаяхъ компетентность трибуналовъ воюющаго, за исключеніемъ сейчасъ приведенныхъ нами двухъ случаевъ нарушенія правъ нейтралитета третьей нейтральной стороны, въ порты которой приведенъ воюющимъ призъ.

Гораздо болѣе споровъ возбуждаетъ *второй случай*, при томъ въ одинаковой степени на практикѣ и въ теоріи. Еще извѣстный ордонансъ 1681 г. (ordonance de la marine), изданный Людовикомъ XIV, признаетъ въ этомъ случаѣ компетентность призовыхъ судовъ воюющаго. Въ этомъ же смыслѣ заключены и многіе международные трактаты XVIII и XIX вѣка. Но Готфель и баронъ Георгій Мартенсъ приводятъ много международныхъ договоровъ, восходящихъ до нашихъ дней, признающихъ въ подобномъ случаѣ компетентность трибуналовъ нейтральнаго государства, въ порты котораго попалъ корабль, ходящій подъ его флагомъ. Готфель полагаетъ даже, что договоровъ этого рода можно насчитать больше противъ трактатовъ, заключенныхъ въ противоположномъ смыслѣ. Онъ думаетъ даже, что современное договорное и обычное морское международное право развивается все болѣе и болѣе въ этомъ направленіи и что обратный принципъ есть исключеніе, постепенно исчезающее и болѣе не соотвѣтствующее современнымъ началамъ морской войны.

Еще болѣе споренъ этотъ вопросъ въ наукѣ. Публици

сты дѣлятся при этомъ на два лагеря; 1) Ученые англо-американскіе, а изъ французовъ *Пистойе* и *Дюверде́й* (Pistoye et Duverdy), признающіе въ данномъ случаѣ компетентность судовъ воюющаго; второй лагерь включаетъ въ себя почти всѣхъ современныхъ французскихъ ученыхъ (Жуффруа, Массе, Ортоланъ, Готфель), изъ нѣмцевъ — барона Георгія Мартенса, Каптельборна и нѣск. другихъ. Они высказываются въ смыслѣ компетентности трибуналовъ нейтральной державы. Мнѣнія ученыхъ первой категоріи, поддержанныя съ особенною силою Филлиморомъ и Галлекомъ, основываются на томъ соображеніи, что нейтральный не можетъ присвоивать себѣ той юрисдикціи единственно лишь на томъ основаніи, что каперъ и захваченный имъ призъ, носящій флагъ нейтральнаго, находятся на его территоріи, такъ какъ разрѣшеніе вопроса о законности приза подлежитъ, въ силу права войны, — исключительно разсмотрѣнію правительства, во имя и по уполномоченію котораго захваченъ самый призъ. Нейтральный можетъ требовать только вознагражденія за убѣжище, данное призу, наконецъ — просить дипломатическимъ путемъ объ освобожденіи корабля, но отнюдь не обладаетъ юрисдикціею надъ самымъ грузомъ. — Очень типично и сильно высказано противное мнѣніе французскимъ ученымъ Жоффруа, который говоритъ, что въ подобномъ случаѣ ничто не препятствуетъ примѣненію юрисдикціи трибуналовъ нейтральнаго: дѣйствительно, corpus delicti (предметъ подлежащій спору) — на его территоріи, обвиняемый — тамъ же; послѣдній, къ тому же, принадлежитъ къ его подданнымъ. Фактически — нейтральное правительство обладаетъ призомъ, владѣніе имъ принадлежитъ ему. Поэтому, вопросъ о правѣ собственности, которая можетъ перейти въ силу правъ войны, присвоенныхъ воюющему при условіи нарушенія обвиненнымъ нейтральнымъ обязанностей нейтралитета, долженъ быть разсмотрѣнъ на судѣ нейтральнаго, фактически владѣющаго извѣстнымъ призомъ. Ортоланъ прибавляетъ къ этому еще слѣдующее соображеніе: „въ приведенномъ случаѣ затронуты интересъ и до нѣкоторой степени право нейтральнаго, независимаго и самостоятельна-

го государства. Последнее не признавая надъ собою высшаго судьи, власть котораго оно вынуждено было бы признавать, имѣетъ право и возможность поддержать свое право посредствомъ изслѣдованія дѣла."

При внимательномъ анализѣ противоположныхъ мнѣній, мы не колеблясь присоединяемся къ мнѣнію ученыхъ этой последней группы. Противное мнѣніе Филлмора и другихъ публицистовъ тогоже лагеря грѣшитъ тѣмъ, что признаетъ въ *теоріи* какъ бы совершенно доказанною исключительную компетентность призовыхъ судебныхъ учрежденій воюющихъ, безъ всякаго участія въ нихъ уполномоченныхъ отъ нейтральныхъ, что еще подлежитъ великому сомнѣнію, должно быть доказано и, какъ мы видѣли, отрицается многими прежними и современными публицистами. Если бы, далѣе, это и было такъ, то все же здѣсь упускаютъ изъ виду во 1-хъ) то, что нейтральный является *фактическимъ владѣльцемъ* спорнаго приза, вслѣдствіе нахожденія его въ портахъ или гаваняхъ, подчиняемыхъ верховенству нейтральнаго, а во 2-хъ) соображеніе о невозможности допускать проявленіе функцій, свойственныхъ и принадлежащихъ воюющему въ силу исключительныхъ обстоятельствъ и необходимости, вызываемыхъ состояніемъ войны на территоріи нейтральнаго, непричастнаго войнѣ, притомъ же въ случаѣ, въ которомъ непосредственно затронуты интересы подданныхъ этой послѣдней державы, находящихся на его территоріи вмѣстѣ съ ихъ собственностью. Было бы странно не вмѣшаться въ возникшій между воюющимъ и подданнымъ нейтральнаго споръ государству, на территоріи котораго находится сама вещь и оба заинтересованныя въ ней лица, изъ которыхъ одно — подданный нейтральной державы.

Резюмируя все вышеизложенное, мы придемъ къ заключенію, что при разрѣшеніи этого втораго спорнаго случая на практикѣ слѣдуетъ руководствоваться прежде всего постановленіями о томъ трактатовъ; за отсутствіемъ же послѣднихъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ компетентности судовъ нейтральнаго, въ порты и га-

ваніи котораго приведенъ призъ, носящій флагъ той же національности. При безпристрастномъ анализѣ тоже рѣшеніе и изъ чисто теоретическихъ, научныхъ соображеній.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ учрежденіе и устройство трибуналовъ, призванныхъ въ разныхъ государствахъ къ юрисдикціи надъ нейтральными призами.

Рѣшеніе о призахъ предоставлено въ нѣкоторыхъ государствахъ вѣдѣнію постоянныхъ судовъ, облекаемыхъ на случай войны спеціальною на счетъ сужденія о нейтральныхъ призахъ властью, въ другихъ морскихъ державахъ трибуналы этого рода учреждаются и начинаютъ свои дѣйствія только по объявленіи войны и на время войны. Къ государствамъ перваго рода должно отнести *Францію*, *Испанію*, *Голландію*, *Швецію* и соединенные штаты Сѣверной Америки, отчасти *Данію*. Въ послѣдней на случай войны учреждаются въ каждомъ судебномъ округѣ, въ которомъ имѣются морскіе порты, призовые трибуналы, права которыхъ очень ограничены однимъ предварительнымъ производствомъ. Само же сужденіе о призахъ принадлежитъ особому трибуналу, засѣдающему въ Копенгагенѣ.

Напротивъ того, *Англія*, *Пруссія и Россія* не имѣютъ постоянныхъ судебныхъ учрежденій, которымъ были бы подвѣдомственны дѣла о призахъ. Въ этихъ трехъ государствахъ трибуналы этого рода возникаютъ при началѣ каждой войны, но составъ этихъ судовъ, процедура судопроизводства, сроки апелляціи заранѣе предусмотрѣны закономъ. Такимъ образомъ трибуналы эти существуютъ какъ бы въ идеѣ, in potentia постоянно, съ опредѣленнымъ уставомъ, но начинаютъ свои дѣйствія только съ началомъ войны и прекращаютъ оныя по окончаніи всѣхъ дѣлъ о призахъ, вызванныхъ извѣстною войною.

Призовые трибуналы носятъ самыя разнообразныя названія. Такъ, въ Англіи они называются „*адмиралтейскимъ судомъ*", въ современной Франціи (съ 1854 г.)—*призовымъ совѣтомъ* (Conseil des prises), въ Россіи—„*адмиралтейскимъ судомъ*" (основанъ Петромъ I, дальнѣйшее развитіе получилъ

при Императрицѣ Екатеринѣ II и при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ); въ Пруссіи—тоже *„призовымъ совѣтомъ“* и т. д.

Въ соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки дѣла этого рода подлежатъ вѣдѣнію не специальныхъ, а обыкновенныхъ судовъ (въ качествѣ трибуналовъ первой инстанціи). Почти всѣ морскія державы безъ исключенія допускаютъ апелляцію приносимую въ сроки, весьма различно опредѣленные въ законодательствахъ отдѣльныхъ державъ, въ особаго рода суды второй апелляціонной инстанціи. Такъ, въ Англіи, апелляціонную инстанцію образуетъ особое учрежденіе, извѣстное подъ именемъ *„судебной коммиссіи“* (Commission judiciaire), которое состоитъ изъ самыхъ извѣстныхъ юрисконсультовъ соединеннаго Королевства, назначенныхъ отъ правительства, входящихъ въ тоже самое время въ составъ тайнаго Королевскаго совѣта (the privy council). Въ современной Франціи (съ 1854 г.) апелляціи на рѣшенія суда первой инстанціи (то есть совѣта призоваго) приносились до 1872 года въ государственный совѣтъ (такъ практиковалось во время войны Франціи съ Россіею въ 1854—55 г.г., съ Китаемъ, съ Австріей въ 1859 году, и съ Германіею въ 1870—71 годахъ; въ Даніи—въ верховный адмиралтейскій судъ, въ соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки въ верховный судъ тѣхъ штатовъ и т. д. Наконецъ, Голландія, Швеція и, по видимому, Россія не знакомы въ настоящее время съ учрежденіями апелляціонныхъ инстанцій по дѣламъ о призахъ.

Во всѣхъ морскихъ державахъ, за исключеніемъ одной только Испаніи, призовые трибуналы суть учрежденія *коллегіальныя*, то есть составлены изъ нѣсколькихъ лицъ, съ предсѣдателемъ во главѣ. Только въ Испаніи (по ордонансу 1779 года) призовая юрисдикція принадлежитъ *единичной власти морскаго министра*, но и то только въ качествѣ суда первой инстанціи, апелляціонную же инстанцію въ Испаніи образуетъ особое учрежденіе, извѣстное подъ именемъ „верховнаго военнаго и морскаго совѣта“. Наиболѣе важно, если вѣрить Гесснеру, учрежденіе *призоваго совѣта* въ Пруссіи. Согласно регламенту отъ 20 іюня 1854 года онъ органи-

зуется каждый разъ особымъ декретомъ во время возникающей войны. Засѣдаетъ онъ въ Берлинѣ, состоитъ изъ президента, шести совѣтниковъ и особаго генеральнаго прокурора. Всѣ они назначаются королемъ. Апеляціонную инстанцію образуетъ особый *верховный совѣтъ*, президируемый вице-президентомъ верховнаго суда, въ составѣ трехъ совѣтниковъ изъ этого же послѣдняго и директора департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и торговли. —

Внутренніе законы и регламенты государствъ допускаютъ въ качествѣ повѣренныхъ отвѣтчика (нейтральнаго), а нѣкоторыя державы (напр. Франція) даже въ качествѣ уполномоченныхъ отъ капера или военнаго корабля, захватившаго добычу, всѣхъ лицъ изъ такъ называемаго адвокатскаго сословія. Исключеніе—одна Англія, въ которой обыкновенные адвокаты лишены права ходатайствовать въ призовыхъ судахъ. Это право принадлежитъ спеціальной корпораціи, изъ которой набираются совѣтники короны для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ международнаго права.

Ни въ одномъ государствѣ нѣтъ специальной кассаціонной инстанціи для верховнаго наблюденія и вершенія дѣлъ о призахъ. Функціи этой инстанціи воспроизводятся дипломатическимъ путемъ, посредствомъ сношеній между заинтересованными правительствами (то есть воюющимъ и нейтральными). Это право обжалованія даже окончательныхъ, вошедшихъ въ законную силу рѣшеній первой или второй апеляціонной инстанціи, признано въ нѣкоторыхъ законодательствахъ формально, въ другихъ-же—фактически и находитъ въ себѣ весьма частое примѣненіе въ международныхъ сношеніяхъ.—

Уже изъ самаго устройства и учрежденія разсматриваемыхъ судовъ, основываемыхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ только на время войны, явствуетъ, что они не должны быть характера, присущаго обыкновеннымъ государственнымъ (гражданскимъ и уголовнымъ) судамъ. Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ въ *идеѣ* своей трибуналы эти суть суды не національные, а *строго международнаго характера*. Иначе и не должно быть, если принять въ соображеніе, что вопросы, подлежащіе

ихъ разсмотрѣнію и рѣшенію, всецѣло относятся къ сферѣ военнаго международнаго права и нейтралитета, то есть къ областямъ, исключительно входящимъ въ международное право, въ сферу международныхъ сношеній. Поэтому, по идеѣ своей призовые трибуналы должны быть выразителями международнаго права въ извѣстномъ statu quo его, соотвѣтствующемъ той или другой исторической эпохѣ. Національныя возрѣнія на право, національныя симпатіи и антипатіи къ тѣмъ или инымъ международнымъ законамъ и обычаямъ изъ области военнаго права и нейтралитета, къ тѣмъ или другимъ ученіямъ и публицистамъ не должны здѣсь имѣть мѣста. Всѣ призовые судьи, всѣ публицисты древнѣйшіе и современные, не исключая англійскихъ и американскихъ ученыхъ, согласны въ *принципѣ* въ признаніи за этими судами *международнаго характера*. Въ этомъ смыслѣ рѣшительно и не разъ высказывались знаменитые англійскіе призовые судьи, напримѣръ, пресловутый Вильямъ Скоттъ, а также ученый Филлиморъ. По мнѣнію послѣдняго призовые трибуналы суть учрежденія международнаго характера, обязанные руководствоваться международнымъ правомъ, а не муниципальными законами того или другаго государства, на территоріи котораго они основаны. Они обязаны прилагать ко всѣмъ державамъ и ихъ подданнымъ безпристрастно постоянныя нормы права, основанныя на извѣстныхъ и опредѣленныхъ принципахъ. "Призовые судьи", говоритъ этотъ англійскій публицистъ словами Цицерона, "не должны терять изъ виду, что законы, ими истолковываемые не имѣютъ одинъ характеръ въ Римѣ, а другой въ Афинахъ, но твердо помнить, что законъ тотъ (международный) вездѣ одинъ и тотъ же."

Къ величайшему сожалѣнію должно замѣтить, что эта основная идея призовыхъ трибуналовъ, т. е. международный характеръ ихъ, значительно искажена на практикѣ многими державами, въ особенности же все тою же Англіею. Эта упорная и эгоистичная противница реформъ морскаго международнаго права постоянно стремилась, притомъ сознательно къ уничтоженію международнаго характера и значенія сво-

ихъ призовыхъ судовъ и къ обращенію ихъ въ суды внутренне-государственнаго характера, дѣйствующіе по соображеніямъ о муниципальныхъ законахъ, исключительныхъ и эгоистическихъ интересовъ морской политики Англіи. Въ этомъ похвальномъ стремленіи къ вырожденію и искаженію характера призовыхъ трибуналовъ англійскому правительству ревностно помогали его знаменитые призовые судьи (Джемсъ Морріотъ, Молинъ Дженгаметъ, Вильямъ Скоттъ и друг.) и публицисты. Англійскіе ученые, не сдѣлавъ ничего полезнаго для ученія о нейтралитетѣ и морскомъ военномъ правѣ, всѣми силами и съ необыкновеннымъ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, стремились къ тому, чтобы ограничить дальнѣйшіе успѣхи морскаго международнаго права. И по настоящее время призовые суды, поддержанные англійскими учеными, примѣняютъ къ нейтральнымъ обветшалое средневѣковое морское международное право, состоящее изъ хаоса и хлама, въ которомъ брошены безъ всякой системы и порядка самыя несправедливыя и уродливыя положенія consolato del mare, древнѣйшихъ англійскихъ морскихъ обычаевъ и законовъ, ученій публицистовъ Бурламаки, Ваттеля, Гейнекція и др. Именно этотъ-то узко-національный харатеръ дѣятельности англійскаго призоваго судоустройства и навелъ первоначально нѣкоторыхъ публицистовъ на мысль о необходимости радикальныхъ реформъ въ вопросѣ о составѣ призовыхъ трибуналовъ, призванныхъ судить дѣйствія нейтральныхъ.

Обращаясь къ этому послѣднему изъ постановленныхъ нами вопросовъ, мы попытаемся сперва установить принципъ, на основаніи котораго можно справедливо и практично построить систему реформы въ составѣ современныхъ призовыхъ трибуналовъ. Намъ кажется именно, что построеніе системы реформъ и самыя доказательства противъ исключительной компетентности въ дѣлахъ о нейтральныхъ призахъ судовъ воюющаго, безъ участія въ нихъ представителей отъ нейтральныхъ, должно основываться и исходить изъ теоріи *международнаго правоваго общенія*. Послѣдняя, охраняя и защищая различные интересы отдѣльныхъ лицъ и различныхъ человѣческихъ сою-

зовъ (государства), входящихъ въ составъ союза международнаго, должна въ особенности заботиться объ охранѣ *матеріальныхъ интересовъ лица и государства, которыя нормируются правомъ.* Поэтому международное право и объективный принципъ его —международное правовое общеніе—должно защищать и давать возможность развитію и преуспѣянію интересовъ воюющихъ, руководящихся нормами военнаго права, но въ тоже время и интересовъ, по преимуществу матеріальныхъ, нейтральныхъ. Имущественные интересы послѣднихъ, право собственности ихъ, могутъ пострадать только въ видѣ исключенія, въ силу правъ и интересовъ воюющаго, законно признанныхъ и имѣющихъ санкцію въ исторіи международныхъ сношеній и права, когда нейтральные нарушаютъ права послѣднихъ несоблюденіемъ обязанностей своихъ, при соблюденіи которыхъ они гарантируются въ неприкосновенности этихъ имущественныхъ ихъ интересовъ и правъ. Но это нарушеніе обязанностей нейтралитета, лишающее нейтральныхъ ихъ права собственности и имущественныхъ выгодъ, никогда не можетъ подразумѣваться само собою. Presump io juris по справедливости всегда въ ихъ пользу; противное должно быть доказано *судомъ* безпристрастнымъ, т. е. такимъ, въ которомъ одинаково представлялись-бы интересы воюющихъ и нейтральныхъ. Поэтому, призовые суды не должны быть учрежденіями исключительными, не могутъ состоять изъ представителей одной или другой изъ заинтересованныхъ сторонъ. Это несправедливо по идеѣ, но еще болѣе на практикѣ, гдѣ, по силѣ слабости человѣческой природы (дурно понятый патріотизмъ, пристрастіе, увлеченія и т. д.), воюющіе или нейтральные, при предоставленіи въ ихъ руки исключительной юрисдикціи надъ нейтральными призами, всегда будутъ дѣйствовать въ одностороннемъ направленіи, въ угоду и поблажку исключительнымъ своимъ интересамъ. Уничтожить это возможно только при посредствѣ учрежденія особыхъ смѣшанныхъ призовыхъ судовъ. По принципу желательно, чтобы суды этого рода состояли изъ членовъ по ровну назначаемыхъ воюющимъ и нейтральными, причемъ всѣ должны принимать уча-

стіе въ разрѣшеніи каждаго представившагося дѣла. Трудностей, указанныхъ Готфелемъ, легко избѣгнуть, заимствовавъ проектъ Гесснера. Для этого, конечно, необходимо международное соглашеніе путемъ трактатовъ между заинтересованными государствами. Въ пользу практической осуществимости этого предложенія говорятъ историческіе прецеденты: многочисленные примѣры учрежденія третейскихъ судовъ, актъ парижской морской деклараціи 16 апрѣля 1856 года, обѣ женевскія (1864 и 1868 года) и с.-петербургская (1868 г.) конвенціи. Было-бы желательно (и, вѣроятно, это осуществится въ не особенно отдаленномъ будущемъ), чтобы державы, подписавшія декларацію 16 апрѣля 1856 года, сговорились на счетъ учрежденія подобнаго рода призовыхъ трибуналовъ и изложили проектъ ихъ организаціи въ особомъ дополнительномъ къ деклараціи 1856 года актѣ, около котораго, какъ у центра, имѣетъ по немногу возникнуть обширный кодексъ морскаго международнаго права. Отказа можно ждать только отъ Англіи, можетъ быть и отъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Но это не должно служить серьезнымъ препятствіемъ къ практическому осуществленію этого проекта между другими державами: пусть Англія и Соедтненные Штаты останутся всторонѣ отъ современнаго прогресса морскаго международнаго права. Исключенные изъ благодѣяній этого рода призовыхъ судовъ, они сами постигнутъ свою ошибку.

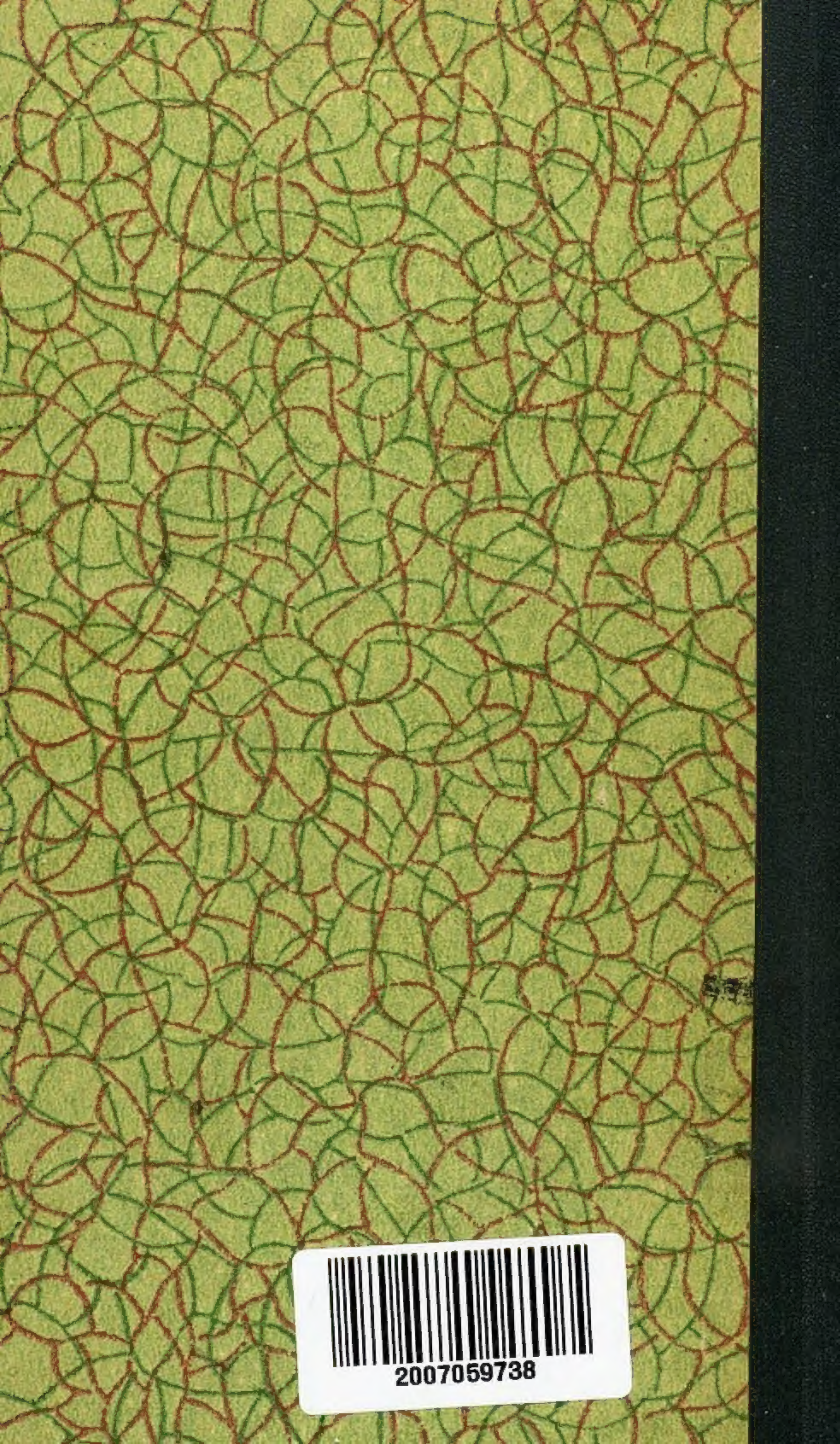
Наконецъ, можно-бы даже принять систему учрежденія призовыхъ судовъ *случайныхъ*, т. е. образовывать въ каждомъ портовомъ городѣ воюющаго, въ который приведенъ нейтральный призъ, суды, пресѣдателями которыхъ назначались-бы чиновники отъ правительства воюющаго, на территоріи котораго основаны и тѣ трибуналы, а членами—равное число представителей отъ воюющаго и консуловъ нейтральныхъ державъ, непосредственно не заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Отчасти суды этого послѣдняго рода, но въ особенности трибуналы вышеуказаннаго состава были-бы болѣе вѣрными выразителями интересовъ и правъ воюющихъ и нейтральныхъ, т. е. начала правоваго общенія между государствами, обосновали-бы свои

рѣшенія на началахъ международнаго права, отбросивъ все узко-національное, характеризующее современное состояніе призоваго судоустройства.

Что касается, наконецъ, вопроса объ апелляціонной и кассаціонной инстанціи, то онъ кажется намъ, падаетъ самъ собою въ виду указанныхъ нами реформъ въ составѣ призовыхъ судовъ, дѣлающихъ менѣе возможными и болѣе рѣдкими случаи несправедливыхъ рѣшеній. Въ крайнемъ случаѣ все же остается еще путь дипломатическихъ сношеній; обстоятельства и случаи, при которыхъ возможно прибѣгать къ этому крайнему пути, всегда можно регулировать путемъ международныхъ договоровъ, даже внести опредѣленія о томъ въ тотъ международный актъ, который разрѣшитъ великую задачу реформъ въ составѣ призовыхъ судовъ.

В. Даневскій.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ Октября 1879 г.
Типографія Правительствующаго Сената.

2007059738